

Сергей БОРОВИКОВ

СВЕТЛЫЙ ЛУЧ

Сергей Чупринин. Оттепель: Действующие лица. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 1112 с.

Книга состоит из размещённых в алфавитном порядке портретов активных лиц Оттепели, преимущественно писателей. Чупринин предуведомляет: «Эта книга – справочник. <...> И выбор фигурантов, и все неточности, ошибки, чрезмерно резкие суждения исключительно на совести автора».

Несмотря на строго букварный принцип композиции, неожиданно занимательным оказывается соседство весьма разноформатных, противоречивых или враждебных друг другу людей. Оно волшебным образом освещает и сами фигуры и место их в событиях первого со времён НЭПа относительно, но всё же раскрепощённого времени. Сближение имён бывает столь выразительно, что невольно подозреваешь автора в умысле: почему Михаил Алексеев оказался соседом Василия Аксёнова, Иосиф Бродский Михаила Бубеннова, а Владимир Дудинцев Александра Дымшица? Но порядок букв русского алфавита автору неподвластен.

В хрущевскую Оттепель я, как и Чупринин, был ещё школьником, но потом и на нашу взрослую жизнь выпало столь же быстро убежавшее время надежд, когда горбачевская перестройка и следующий недолгий миг ельцинских свобод обнаружили у нас едва формирующееся гражданское общество.

Леонид Пантелеев писал 17 января 1957 года Лидии Чуковской о выходе двух книг «Литературной Москвы»: «А ведь выход этих книг – действительно, событие. Обе они войдут в историю нашей литературы – или как предвестие нового подъема ее, или, в худшем (к сожалению, очень и очень возможном) случае, как короткий просвет, “светлый луч в темном царстве”»¹.

Итак, было два светлых луча на моём веку, будет ли третий – спрашиваю, веря и не веря, и всё же надеясь.

Из трёхсот пятидесяти восьми описанных в книге действующих лиц вживую я наблюдал сто девятнадцать, знаком же в той или иной мере был с тридцатью девятью, и хоть у Чупринина аналогичные цифры конечно шире, похвально на мой взгляд, что он не поддался всеобщему мемуарному искусству.

Большинство действующих, естественно, писатели, присутствуют и чиновники, начиная с Хрущёва, есть и те, кто не проявлял себя ни в литературе ни на госслужбе, но остались в истории Оттепели, как Хвалебнова Ольга Александровна (1902–1982), которая «в анналы литературы вошла не своими сочинениями, а многолетней и, главное, победоносной борьбой против публикации романа совсем другого автора»; эта запредельно упёртая вдова наркома металлургии И.Тевосяна сама сражалась больше двадцати лет и сыну завещала воевать до победного – не допустить выхода романа Александра Бека «Новое назначение».

Читая, я помечал вовсе неизвестных мне лиц, каких оказалось четырнадцать, и здесь же отмечу, что вдруг возникало в памяти имя, отсутствующее в чупрининском словнике, про что писать просто глупо хотя бы потому, что слишком мало таких вспомнилось. А в обратном, так сказать, ракурсе, лишь дважды возник вопрос об уместности в тексте имярека.

Я имею ввиду Лидию Николаевну Сейфулину (1889–1954), не дожившую до Оттепели и ещё задолго до этого исчезнувшую из литературного процесса: «Но высокий писательский статус с тех пор никак, увы, не подтверждался новыми публикациями, к тому же год от года все более редкими. Талант бытописателя, в первых повестях несомненный, ушел, будто его и не было». Пусть так, чрезмерно понаписано было о ней в 20–30-е годы.

Такое же недоумение вызывает появление в портретной галерее действующих (!) лиц Оттепели и Сергеева-Ценского (Сергеева) Сергея Николаевича (1875–1958). Попытался даже

¹ См.: Сергей Чупринин. Альманашники // Знамя. 2023. №6.

сам мотивировать лишь тем, что его активным корреспондентом был Иван Шевцов, скверная слава которого как бы ложится и на престарелого полуклассика, но поскольку ответы дедушки не приводятся, можно лишь предполагать, что он разделял антисемитские убеждения автора «Тли».

И ещё как бы полувопрос: коли обозначено в предисловии, что представлены «ныне покойные» персонажи, то как быть с Альбертом Андреевичем Беляевым, родившимся 21 февраля 1928 года, о котором автор лукаво заметил: «Не очень даже ясно, жив ли он и, если жив, то где обретается. По слухам, в Германии, как и многие бывшие, но вряд ли возможно на эти слухи полагаться». И думаю, Чупринин прав: уж кого-кого, но этого виртуоза цековско-литературной интриги 60-х – 80-х миновать невозможно.

Возвращаясь к арифметике, отмечу, что объемы глав-очерков в книге различны, но не длинны: автор и издатели не забывают, что цель книги не в последнюю, а для кого-то и в первую очередь справочная. А этот жанр предполагает и открытия. Вот весь текст о «Лашиной (урожд. Покровской) Нине Сергеевне (1906–1990). Работала в юридическом отделе Магнитки, в Министерстве черной металлургии, в журнале «Крокодил»: заведующая отделом проверки (с 1952), затем отделом писем. Начиная с 24 января 1929 года (Ташкент) и заканчивая 5 июля 1966 (Жданов, ныне Мариуполь), вела регулярные поденные записи, которые собраны в двухтомнике “Дневник русской женщины” (М.: КПЦ «Преображение», 2011)». Здесь просто надо довериться Чупринину – значит, так необходимы для понимания людей Оттепели её дневниковые записи, опубликованные через полвека. А по другому кратчайшему персонажу вопросов не возникло: секретарь парткома московских писателей, организатор оттепельных погромов Аркадий Васильев: «Ю. Оксман назвал его “черносоптенцем”, А. Кондратович – “автором дешевых романов о чекистах”. Дарья Донцова, и это вполне понятно, всегда вспоминает об отце с умилением. А книги В... Его книги более 25 лет не привлекают ни издателей, ни, надо думать, читателей».

Не хочу отказать себе в удовольствии ещё процитировать книгу.

«Оттепель, впрочем, совсем не или не совсем сталинщина».

«Сквозь более чем полувековую толщу оценить уровень смелости, проявленной в этих выступлениях, почти невозможно, но опасность маячила за каждым углом».

«Многие деятели подведомственной М. культуры, естественно, жаловались – и, естественно, во все тот же ЦК. Как, мол, так, человек, умеющий изъясняться лишь на двух языках – русском и матерном, не являющийся знатоком ни в одной области культуры и искусства, возглавляет Министерство культуры величайшей страны социализма. Это оскорбительно для нашей партии и страны» (О министре культуры Николае Михайлове).

«Портрет Н. можно выстроить на одних только отрицаниях. В партии он не состоял. Идеологическим экзекуциям не подвергался и сам в гонениях на писателей не участвовал. С советской властью не боролся, но и к числу ее пропагандистов никак не принадлежал. Карьеры литературного сановника не сделал, государственных премий не выслужил, но и от андеграунда был далек. Предосудительных публикаций в эмигрантской печати не имел. В самиздате не выходил. Дискуссионный сторонился. Статей о литературе, во всяком случае о современной, не писал. Никому, кажется, из литераторов следующих поколений не помог. Да у него, собственно, даже и учеников не было, как не было и своего ближнего круга друзей-единомышленников» (О Юрии Нагибине).

«И служили, и дружили они, надо полагать, душа в душу – вплоть до 26 марта 1953 года, когда Симонов вдруг обратился к секретарям ЦК Хрущеву и Спеслову с предложением безотлагательно сместить еврея К. с должности: и сводный брат его был-де в 1937-м репрессирован, и сам он замечен в потакании еврейскому национализму» (Об Александре Кривицком).

«Для того чтобы скомпрометировать самые благие порывы, достаточно было одной поэмы С.В. Смирнова “Свидетельствую сам” (Москва. 1967. № 10) с призывом считать “личными врагами / Тех немногих, кто у нас порой

/ По своей охоте и программе / Хаёт мой и наш Советский строй»».

«Смолоду эстет и артист, мастер интеллектуальных и художественных провокаций, К., как это и случается обыкновенно в русской литературе, ближе к склону лет становится моралистом, и – особенно когда дело касается былого – моралистом атакующим» (О Вениамине Каверине).

«Лучшее из написанного А. на граничной полосе между почти дозволенным и прямо запрещенным» (О Василии Аксёнове).

«Теперь в это трудно поверить, но в течение нескольких оттепельных лет все обрванное сословие, не меченное клеймом сталинизма, при всем уже и тогда явственным разномыслии держалось действительно вместе: И. Глазунов и Э. Неизвестный, В. Солоухин и А. Вознесенский, поэтому, – вспоминает Б., – “в те 60-е бывало так, что за одним столом исполняли свои песни Юз Алешковский <...> и Николай Рубцов”».

«И в его новых книгах все то же неприятие городской цивилизации, все та же боль за униженных и оскорбленных, к которым он – даже в пору своего максимального благополучия и максимальной славы – причисляет себя не колеблясь. <...> “Я очень люблю свою Родину, Россию, но не в нынешнем ее обличье – в гражданской глухоте и полураспаде, наверное, я уже и не люблю, больше жалею как старую, неизлечимо больную, немощную мать... <...> народа уже нет, а есть сообщество полудиких людей, щипачей, лжецов, богоотступников, предавших не только Господа, но и брата своего, родителей своих, детей предавших, землю и волю свою за дешевые посулы продавших. <...> А народ нам не спасти уже, хоть бы мы все вернулись, куда велено”». Это всё о Викторе Астафьеве, чья сила слова заставляет меня всё же повременить с верой в наступление светлых лучей.

Сергей Чупринин собрал в книге «Оттепель: действующие лица», кажется, всё узнанное, разведанное, осмысленное, чем щедро поделился с читателем, придав насыщенному тексту немалую занимательность.

Елена СОЛОВЬЁВА

«АНТРОПОЛОГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАТАСТРОФЕ»

Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй. – Ганновер: Семь искусств. 2023. – 355 с.

Пытаясь оговорить жанр этих заметок, уместно будет вспомнить, что их героиня, критик и эссеист Ольга Балла, не склонна называть «тексты про книжки» рецензиями, скорее уж – разновидностью «диалога с написанным». Она же, вычлняя разницу между племенами «аккуратных библиофилов» и «разнuzданных библиофагов», к которым причисляет и себя, пишет, что последние так и норовят превратить чужую книгу, читаемую в данный момент, в собственный дневник, хоть комментариями, сделанными на полях. То же случилось и со мной: последняя книга Балла «Дикоросль-4» стала очень личным чтением, сопровождающим неизбежные труды и дни, дающим ответы на самые насущные сиюминутные вопросы.

Не сказать, что я раньше не замечала томики «Дикоросли», которые, словно трава в щель крепкого забора, упорно лезли на свет между объёмистыми сборниками её статей о прозе и поэзии¹. «Годовые кольца структуры»² «Дикорослей» представляют собой дневнико-

¹ Автор книг «Примечания к ненаписанному» (Т. 1–3, New York: Franc-Tigerr, 2010), «Упражнения в бытии» (М.: Совпадение, 2016), «Время сновидений» (М.: Совпадение, 2018), «Дикоросль: Две тысячи девятнадцатый» (Ганновер: Семь искусств, 2020) «Сквозной июль» (2020), «Пойманный свет. Смысловые практики в книгах и текстах начала столетия» (2020), «Дикоросль-2: Две тысячи двадцатый» (2021), «Библионавтика: Выписки из бортового журнала библиофага» (2021), «Дышащий чертёж: сны о поэтах и поэзии» (т. 1-2, 2021), «Дикоросль-3: Две тысячи двадцать первый» (2022), «Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй» (2023).

² Дмитрий Бавильский. Мгновенные ментальные снимки. Предисловие // Балла О. Дикоросль-3: Две тысячи двадцать первый. – Ганновер: Семь искусств. 2022. С.10.